

Обсуждаются вопросы, связанные с социальными, экономическими и политическим процессами, происходящими в России и Китае. Подчеркивается зависимость темпа и направленности развития от национального характера. Сравниваются тенденции к объединению и автономизации в различных регионах мира. Дается общая характеристика модернизационного процесса в Китае. Ключевые слова: Запад; Восток; Китай; Россия; глобализация; локализация; модернизация; национальный характер; культура; архитектура. /

The participants of the conversation discuss the issues concerning social, economic and political processes observed in Russia and China. They discuss how the pace and direction of the development depend on the national character and compare the tendencies towards unification and autonomization in different regions of the world. The modernization process in China is also featured. Keywords: West; East; China; Russia; globalization; localization; modernization; national character; culture; architecture.

Разговор Елены Григорьевой с Андреем Боковым на тему номера и не только... / A Conversation Between Elena Grigoryeva with Andrei Bokov on the Topic of the Issue and Some Other Topics...

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Тема нашего номера посвящена взаимоотношениям Востока и Запада. Мне бы хотелось поговорить с Вами о Китае вообще и о китайском туризме в частности. Китай в настоящее время быстро поднимается. Продолжается ли его проникновение в страны Запада и Америки или все-таки сегодня китайцы больше занимаются обустройством своей собственной страны?

АНДРЕЙ БОКОВ Мы привыкли говорить о Востоке вообще. Но Восток сложен, мозаичен и неоднороден. Восток – это абстракция, которую мы придумали исключительно в интересах интеллектуального комфорта. И Запад, и Восток не едины. И внутри Запада, и внутри Востока существуют весьма враждебные друг другу, часто непримиримые, конкурирующие структуры и сообщества. И если мы будем дальше строить свои представления на основе таких абстракций, то вряд ли получим что-то адекватное и конструктивное. Если Киплинг убеждал в вечной «невстрече» Востока и Запада, то сегодня мы найдем множество свидетельств их теснейшего общения. История и жизнь, по моему глубокому убеждению, текут нелинейно, не однонаправленно. Глобализация и локализация, объединение мира и возникновение изоляционистских настроений идут одновременно. Интеграция мира и рождение каких-то локальных всплесков и структур происходят параллельно. Представить себе, что все движутся навстречу друг другу и разнонаправленно, бывает сложно. Тем не менее, это происходит именно так. Европа объединяется, в то время как Каталония и северная Италия стремятся к самостоятельности...

Под Востоком в России сегодня понимают прежде всего Китай: Китай вот-вот догонит Америку по вкладу в мировой ВВП (и, похоже, перегонит!). Наряду с Евросоюзом и США Китай становится третьей важнейшей силой, причем все эти три силы замечательно понимают друг друга и эффективно взаимодействуют, втягивая в систему этого взаимодействия все больше участников. Общее развитие и успех каждой страны становятся прямым результатом работы этой системы.

Импульс к движению заложен в культуре страны: если есть в ней что-то, побуждающее к движению, страна ста-

новится успешной и способной к развитию. В китайской культуре, как оказалось, это заложено.

ЕГ Китай не переживал промышленную революцию – и вдруг такой подъем.

АБ Я не склонен прямо связывать успехи экономики лишь с промышленной революцией. Советское воспитание посеяло в нас предубеждение к сельскому хозяйству, крестьянскому труду, к жизни и работе на земле, представление о том, что промышленность и сельское хозяйство – это разделенные сферы экономики, что сельское хозяйство – это нечто маловажное и не столь существенное, что промышленность – это главное. Последняя треть XX века – это, безусловно, время взлета Китая. Это очень дисциплинированная страна, хранящая способность к организации и самоорганизации, способность к коллективному и индивидуальному труду. Однажды я беседовал с профессором Кантонского университета. И зашла речь о событиях XX века. Он тогда сказал, что в Китае не было ГУЛАГа, не было уничтожения крестьянства, ремесленников и малого бизнеса. А главная его фраза – «Мы сохранили трудоспособность в людях. Да, трудовые коммунны были. Но далеко не все хозяйства были обобществлены. Культурная революция коснулась только достаточно тонкого слоя людей, проживавших в больших городах – чиновничества и интеллигенции». Он называл число жертв культурной революции, абсолютно несопоставимое с числом жертв большого террора или революции у нас. Даже страшная прокатившаяся по Китаю гражданская война, японская война – не обернулись тем, что было в России. Несмотря на то, что Китай менял социальное устройство, китайцы резко не меняли саму природу, структуру и менталитет своего общества. Клан имперского чиновничества, воспитанный конфуцианскими традициями, модифицируется, но по сути сохраняется. А главное – не утрачена способность людей трудиться. Россия прошла через уничтожение крестьянства, а это тот класс, который был «заточен» на работу, на деятельность, класс, на котором держалась национальная экономика: крестьяне подпитывали города и промышленность, приносили определенную этику труда и культуру трудовых

взаимоотношений. В Китае это сохранилось, что и стало основанием для фантастического взлета. Способность работать, производить выгодно отличает китайцев от многих других.

Китайская экспансия в Россию принципиально отличается от той волны эмиграции, которая накрыла сейчас Европу; китайцы – это другой «человеческий материал». Это люди, всегда и везде создающие свой собственный мир. И в политике Китая, и в поведении его граждан отчетливы интонации если не старшего, то уж явно не младшего брата. Это люди другой культуры, не всегда понятной нам. Они другие, и мы для них другие. Они нас своими не признают, и, как бы мы ни хотели быть людьми с Востока, мы для них таковыми не являемся, но мы обязаны быть хорошими соседями, а соседи иногда ближе родственников.

ЕГ Мы не свои ни для Запада, ни для Востока?

АБ Мы, конечно, воспитаны христианством и принадлежим Европе. Наша культура, наш язык, литература, искусство, ментальность сформированы европейским влиянием. Другое дело, что Европа для нас была Византией. Дружба с Ордой, для которой мы были западным улусом, а Китай – восточным улусом, и ее воздействие на формирование нашей культуры, государственности и на многое другое не было чем-то уникальным. В состоянии прямого контакта, в соперничестве с исламским Востоком в процессе крестовых походов реконквисты и турецких войн сложился и западный, европейский мир. После того, как московское царство освободилось от прямого влияния Орды, оно еще острее ощутило влияние Византии, которая все дальше отплывала от Запада. Но это не значит, что для Европы мы какие-то другие. Раскол между католическим европейским югом и протестантским севером не менее драматичен, чем раскол между ними и православным востоком. Но Западная Европа нашла силы для объединения. Католики и протестанты научились жить вместе не только в пределах одного государства вроде Бельгии, но в границах всего континента.

ЕГ Вам доводилось практиковать в Китае. Продолжилась ли эта практика? Я помню, что у Иркутскграж-

данпроекта был опыт такого сотрудничества, а потом все контакты прекратились.

АБ Я много времени отдал этой работе. Китайцы очень практичны и прекрасно понимают, что можно взять у русских и чего нельзя. За технологиями они обращаются к Америке и Европе. К русским – в поисках того, что им непонятно, экзотично и недостижимо: не то классики, не то тайны. Заметьте, что в России сегодня китайцы архитектуре не учатся, но лучшие американские университеты переполнены китайскими студентами. И, возвращаясь в Китай, они меняют облик своей страны.

Нам не очень понятен лозунг «Одна страна – две системы». Но там одновременно существуют и коммунизм, и Гонконг, и Макао, и миллиардеры. Китай живет этим принципом и от этого выигрывает: он активно заимствует самое ценное из того, что делается на Западе. Но при этом не уничтожает те институты, которые созданы под советским влиянием и существуют много лет. То, что Запад не всегда может себе позволить, Китай с легкостью воплощает в жизнь: любые архитектурные опыты, эксперименты и фокусы легко приживаются в Китае. Сегодня любой провинциальный китайский город имеет свой «центр Помпиду» и «музей Бильбао». В любой «нестолице» стоит по несколько Москва-сити, и строятся они фантастическими темпами. Но одновременно Китай воспитывает свою собственную культуру, своих архитекторов и очень эффективно их поддерживает. В современном Китае появились звезды, которых признает мир, которые заслуживают самых высоких оценок и вызывают интерес именно своей непохожестью. При этом в Китае благополучно существует Академия архитектуры, существуют большие государственные институты, которые занимаются территориальным планированием и проектированием целых городов. И все институты успешно сотрудничают с американцами, голландцами... Это и есть две системы в одной стране.

Когда вы смотрите на карту Америки, Европы, Китая, вы видите примерно одинаковые по плотности сети коммуникаций. В Китае сеть железных и автомобильных дорог более современна, качественна, более эффективна, чем даже европейская сеть. Все китайские города –

прежде всего, на востоке страны – соединены в единую систему. Даже в Тибете уже проложена железная дорога. Именно это отличает современную страну и современное пространство.

Россия – страна, созданная климатом и пространством. И впервые за многие годы мы это ощущение пространства стали терять. Массовым стал приход в управление людей, которые называют себя то урбанистами, то менеджерами, то экономистами; которые видят мир отвлеченно и фрагментарно. Их трудами возникает особый мир в цифрах, доходах и расходах, без физики, без пространства. Эта тема в их сознании и в практике отсутствует. У нас сегодня нет территориального планирования как рода деятельности, его судьба чем-то напоминает судьбу генетики и кибернетики в СССР. Институты, которые разрабатывали систему расселения, схемы пространственного развития, стратегии и т. п. – их нет сейчас; нет школ и специалистов. Советской науке можно адресовать самые жесткие претензии, обвинить в фальсификации статистики, догматизме и утопичности, но в советских структурах работали умные и знающие люди, которые, невзирая на все недостатки системы, знали предмет и старались не терять профессионализма. Быстро восполнить отсутствие этих институтов и людей невозможно, и это огромная утрата. Возникшая пустота заполняется мусором. Слушать наивные разговоры про агломерации и города-миллионники становится все сложнее. Сложнее на фоне той работы по терпланированию, которая ведется в том числе Китаем, вобравшим огромный опыт и знания, накопленные Россией и СССР, опыт, которым мы пренебрегли.

ЕГ Мне недавно довелось побывать в нескольких малых городах. С одной стороны, они вызывают светлое чувство, но с другой – щемящее ощущение безнадежности.

АБ В обиходе российских политиков появился термин «лишние люди». И это не литературные персонажи, а наши сограждане, жители деревень, сел и малых городов. Вообще радикальные простые схемы и идеи очень привлекательны для людей непрофессиональных, не понимающих существа дела и, главное, не любящих ни людей, ни городов, ни деревень. Рядом с нынешними менеджерами и лицами, принимающими решения, нет фигур вроде Кондратьева или Вернадского, Тверского или Владимирова, а урбанисты и экономисты тут не помогут. Россия до середины XX века страна малых городов, стоявших на пути между деревней и большим городом. Малые города подарили стране и миру не меньше писателей, художников и инженеров, чем столицы, но самое главное – счастье не наступит с исчезновением малых городов и деревень. И в концепцию устойчивого развития это не вписывается. Примеров успеха малых городов в мире предостаточно. Важно понять, что вместо того, чтобы стаскивать всех в миллионники, которые почему-то стали называться агломерациями, эти агломерации надо приводить в малые города и еще дальше. А значит, надо развивать инфраструктуру. И в малые города снова вернется жизнь. А вслед за ними и в деревню.

ЕГ Вы бывали в Харбине, там осталось большое русское наследие. Как к нему сейчас относятся китайцы?

АБ За годы, прошедшие с середины девяностых, что я туда ездил, отношение сильно поменялось. В начале 90-х было ощущение, что все русское хотят вычеркнуть из памяти: русские кладбища распаханы и превращены в парки. И о русском прошлом говорить откровенно боялись. В последние годы чувствуется, что китайцы оценили значение русского присутствия в Харбине: все оставшееся сохраняют, реставрируют, что важно, внимательно изучают.

ЕГ А с чем, по-вашему, связано такая перемена отношения?

АБ Китайцы стали жить богаче и стали предъявлять к своему окружению более высокие требования. Думаю, что это – тоже особенность китайского отношения к миру: они думают о себе; Китай – страна, которая сосредоточена на заботе о самой себе, исключительно на реализации своих предельно ясных собственных интересов. Мы, как правило, думаем, чтобы было, «как у людей»: тротуары, фасады, парки... И старательно срисовываем, делаем, «как у кого-то». А для чего, кому и зачем это нужно – не задумываемся. Китайцы тоже срисовывают, но не для того, чтобы было «как у людей», а чтобы самим быть лучше, чем эти люди. В России иностранцев или боготворят, или ненавидят. В Китае иностранцы воспринимаются совершенно иначе – как обслуживающий персонал; я бы сказал, «инструментально», спокойно, без эмоций.

ЕГ Да, но у этих приглашенных специалистов они брали идеи.

АБ Китайцы брали то, что можно взять: у западных специалистов они брали и идеи, и технологии, потому что построить предложенное американцами можно, только опираясь на американские технологии. И к тому же американцы и европейцы приходили часто со своими нормами, правилами и капиталом. России в такой игре было трудно участвовать, самим не хватало. В архитектуре и строительстве китайцы ведут себя точно так же, как, например, в машиностроении, автомобилестроении: они повышают локализацию производства за несколько лет до 95%. Но, развивая высокие технологии, они не забывают и о своих «низких» технологиях, продолжают строить из традиционных материалов, писать традиционные картины и сохранять свою оперу. Я думаю, что ныне налицо растущая китайская культурная экспансия. Судя по продаваемости их живописи, китайцы скоро и со своей архитектурой придут на Запад. Они выигрывают конкурсы и получают премии. Китай запустил механизм саморазвития, опираясь на ручной труд мелкого производителя в сельском хозяйстве и маленьких мастерских. У них нет природных ресурсов, как в России – ни дерева, ни нефти. У них есть руки, желание и способность работать, умные начальники и современная инфраструктура.

